

ПРОБЛЕМЫ ВИНЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ*

В.С. ЕЛИСЕЕВ, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана гуманитарного факультета Гродненского государственного университета им. Я. Купалы

Гармонизация обязательств различных отраслей экономического права ставит вопрос о согласовании правовых категорий «вина» и «ответственность», которые различным образом понимаются в административном (уголовном) праве, где используется психологическое понимание вины, и в гражданском праве, где фактически речь идет о вине по факту неисполнения обязательства. Указанная позиция нарушает принцип единства правовой терминологии, что, по мнению автора статьи, недопустимо. В статье обосновываются предложения по согласованию указанных категорий и предлагается ввести дополнительный термин «юридическая вина», как вина по факту неисполнения обязательства. Категории «вина» и «юридическая вина» сопоставляются. Делается вывод о недопустимости использования «юридической вины» в охранительных отраслях административного (уголовного) права.

Одной из важных составляющих юридической ответственности является вина, поскольку, по общему правилу, считается, что отсутствие вины исключает ответственность в принципе. Однако для обязательственных правоотношений проблема вины должника до сих пор не нашла однозначного понимания среди ученых, что особенно заметно при выявлении общих закономерностей правового регулирования обязательств на межотраслевом уровне, прежде всего, при изучении вопросов сдерживания и подавления негативного поведения, свойственного для обязательственных отношений.

Конструктивно любой первичный институт обязательств (например, для договорных обязательств таковым является поставка, для налоговых обязательств – налог на прибыль, а для обязательств государственной поддержки – дотация) изначально построен на принципе: «запрещено все (используется «общий запрет»), кроме исполнения *основного обязательства* (формируемой на основе «предписания») (соответственно, для поставки таковым является передача товара поставщиком и встречная передача денег покупателем; для налога на прибыль – уплата хозяйствующим субъектом части прибыли государству; а для дотации, наоборот, передача государством денежных средств хозяйствующему субъекту). Любые *отклонения от основного обязательства*, влекущие его неисполнение либо ненадлежащее исполнение (например, в силу предпринимательского риска или форс-мажора) нежелательны, особенно, когда речь идет о негативных отклонениях, т.е. об обстоятельствах, зависящих от воли должника.

Для первичного института обязательств сдерживание и подавление негативного поведения

осуществляется в направлениях, имеющих различные механизмы воздействия: *во-первых, на уровне общего запрета*, конструктивно формирующего институт, воздействующий одновременно на все негативные отклонения от основного обязательства; *во-вторых, на уровне охранительных (линейных) запретов*, воздействующих избирательно. Существует еще третий механизм: *правовые барьеры*, препятствующие возможностям пользоваться определенными моделями негативного поведения, которое закрепляется на уровне институтов обязательств. Необходимость в последних возникает в той степени, в которой первых два механизма не удается согласовать.

Возникает вопрос: нужно ли для обязательств учитывать *вину*? Доминирующая научная доктрина на данный вопрос отвечает положительно, используя для понимания вины одновременно два критерия: во-первых, объективный, когда поведение лица сравнивается с должным; во-вторых, субъективный, когда учитываются индивидуальные особенности и способности правонарушителя [1, с.938–939].

Однако с позиции механизма учета вины для договорных обязательств в статье 372 Гражданского Кодекса (далее – ГК) Республики Беларусь скрыто противоречие: т.е., *с одной стороны*, «лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности)» (ч. 1 п. 1), а *с другой стороны*, 1) «лицо признается невиновным» лишь в случае, «если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям гражданского оборота, оно приняло все меры для

* Статья поступила в редакцию 25 апреля 2007 года.

надлежащего исполнения обязательства», т.е. только при наличии определенных условий (ч. 2 п. 1), что фактически означает *предположение исходной виновности* лица, не исполнившего обязательства; 2) «отсутствие вины доказываемся лицом, нарушившим обязательства» (п. 2), что принципиально создает ситуацию, когда лицо невиновное, но не доказавшее свою невиновность, автоматически считается виновным. В этом смысле О.С. Иоффе говорит о «презумпции виновности» в гражданском праве, поскольку «нельзя требовать от истца представлять доказательства по поводу психических переживаний ответчика» [2, с.138]; наконец, 3) для предпринимательского риска лицо, не исполнившее обязательство, несет ответственность всегда, кроме случаев, когда невозможность наступила в силу обстоятельств непреодолимой силы (п. 3), – указанное означает, что вина закреплена как общая норма (общее предписание), что принципиально нарушает правила корректного построения правовых режимов [3, с.100–101], которые не допускают виновную ответственность (ее составляющих) в качестве общей нормы (т.е. вины без вины).

По поводу «общих обязываний» С.С. Алексеев справедливо отмечает, что они «не имеют общего смысла» и «выражают не особенности права, а особенности государственной власти, осуществляемой через право, ее организующей управленческой деятельности, функционирования административного управления. Здесь общее не идет дальше вопроса о круге лиц (государственных служащих – *авт.*)» [4, с.165].

Законодательство еще более противоречиво по отношению к ответственности за неисполнение налоговых обязательств. К сожалению, концептуально определение налоговых правонарушений и, соответственно, виновности налогоплательщика остались за пределами Общей части Налогового кодекса (далее – НК) Республики Беларусь (хотя ссылки на виновные действия по тексту имеются).

Выход из двойственности понимания проблемы практики нашли в особом понимании «вины» в административном праве. В частности, Л. Иванов, изучая подобные проблемы, справедливо заметил, что «сотрудники антимонопольного ведомства, ведущие расследования таких дел, не испытывают больших трудностей с доказыванием вины правонарушителей (во всяком случае, до сих пор не испытывали). Почему? Потому что понимают виновность точно так же, как понимают безвиновную ответственность таможенные органы, а именно – как ответственность за сам факт совершения правонарушения» [5, с.21].

И хотя некоторые ученые ратуют за использование в этом случае иной терминологии, например, «нарушение субъективных прав» [5, с.21], суть явления не меняется, поскольку ответственность возникает, по общему правилу, за сам

факт неисполнения обязательств, даже если сама модель позитивна (например, связана с предпринимательским риском).

В гражданском праве вопрос необходимости учета вины при нарушении обязательств находит продолжение в проблеме: *всегда ли нарушение гражданских прав является правонарушением?* Например, В.В. Витрянский считает правонарушением «любое неисполнение или ненадлежащее исполнение договора», что, по его мнению, прямо вытекает из положений статьи 309 ГК Российской Федерации (аналогичной ст. 290 ГК Республики Беларусь), согласно которых обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями», а также из п. 1 ст. 393 ГК (п. 1 ст. 364 ГК Республики Беларусь), где «должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства» [6, с.623].

В.П. Мозолин «противоправность поведения должника» видит в отклонениях от условий договора: «неисполнении возложенных на него обязанностей» и при этом «не считается противоправным поведение должника, отклоняющееся от условий договора, в случаях, особо оговоренных законом» [7, с.280–281].

Развивая подобную позицию, Р. Саватье поясняет, что «в случае неисполнения обязательства ответственность должника становится автоматической. Доказательством неисполнения является только тот факт, что обещанный результат не был предоставлен» [8, с.233], а В.К. Райхер и вовсе сделал заключение, что «противоправность не является обязательным условием гражданско-правовой ответственности» [9, с.57–58]. Последняя позиция, в частности, нашла подтверждение в английском прецедентном праве, где «ответственность за неисполнение договорных обязательств не устраняется ни при каких обстоятельствах, даже чрезвычайных, – она является для должника безусловной» [10, с.166]. Данную позицию достаточно удачно резюмирует В.Ф. Яковлев: «Если гражданское право возлагает... обязанность возместить потерпевшему причиненный вред, хотя причинитель и не был виновен, то, очевидно, это происходит не с целью наказания невиновного, а для защиты прав потерпевшего лица» [11, с.131].

Радикально-административным образом решен вопрос правонарушений в налоговом праве, где неисполнение налоговых обязательств автоматически влечет состав правонарушения и виновность. В лучшем случае можно говорить об обстоятельствах освобождения от ответственности [12].

Решение проблемы видится в рассмотрении *механизма воздействия охранительных и регулятивных норм права на обязательственное негативное поведение* с позиции «теории макроправового регулирования экономических отношений» [13, с.98–101], согласно которой регулятивное воздействие для института обязательств строится на основе правового режима [13, с.98–99]. Правовой институт представляет собой логически завершенную систему норм права, регулиующую определенную область экономических отношений, сведенных на основе административного (дозволительного) либо рыночного (общеразрешительного) правового режима.

Применительно к моделям обязательств административный правовой режим строится на основе принципа «все, что законодательством не разрешено, то запрещено», уточняется на основе следующего принципа: «любое отклонение от главной модели обязательств запрещено, кроме случаев, прямо предусмотренных законодательством (для налоговых обязательств) либо законодательством и договором (для договорных обязательств)». Соответственно, *обязательства – это всегда инструкция*, регламентирующая позитивное поведение, которая *может быть построена только на основе административного правового режима, сформированного на основе общего запрета*. Что же касается *рыночного правового режима*, то он для *обязательств неприемлем в принципе* (обязательства наступают после выражения волеизъявления, когда модель обязательств избрана), в противном случае мы будем иметь дело с юридически нейтральным поведением, которое не подпадает под обязательственные отношения.

Соответственно, для *регулятивного воздействия* из представленных ранее механизмов воздействия на негативное поведение остаются только *общий запрет*, который подавляет любые отклонения, не определенные обязательственной инструкцией (а та определяет только главные и сопутствующие позитивные модели обязательств) и *правовые барьеры*. Что же касается *охранительного воздействия*, усиливающего общий запрет регулятивного воздействия, то оно предполагает описание сопутствующих моделей наиболее вредного негативного поведения (линейными запретами [13, с.101]), за которое устанавливается более высокая (административная или уголовная) ответственность, чем за невыполнение общего запрета.

Регулятивный *основной* (общий) и *охранительный* (избирательный) запреты имеют существенные различия в конструировании правового воздействия как минимум *с четырех позиций*:

- общий запрет для первичного института права обязательств присутствует всегда, поскольку без него невозможно выстроить регулятивные

нормы и сформировать правовой институт обязательств в принципе. Что касается дополнительных запретов, то они присутствуют далеко не всегда, поскольку только усиливают ответственность для отдельных моделей сопутствующего поведения, которые образуют правонарушения;

- общие запреты предполагают нахождение непосредственно в регулятивных законах (кодексах), формирующих модели обязательств (ГК, НК и т.п.), а дополнительные линейные запреты предполагают нахождение в нормах охранительных кодексов (УК, КоАП, в охранительной части НК), а также в специальном охранительном законодательстве;

- если для общих запретов *наличие вины должником предполагается* и на нем лежит обязанность доказывания своей невиновности (т.е. отсутствия негативных отклонений), то для дополнительных запретов *вину должника необходимо доказывать кредитору либо государству* (если речь идет об административном либо уголовном наказании);

- сама *ответственность* для основного общего запрета (регулятивная ответственность) предполагает компенсационный (возмещение убытков) или дисциплинирующий характер (псн), тогда как для дополнительного запрета (охранительная ответственность) она предполагает карательный характер (например, штраф в пользу государства), т.е. регулятивная и охранительная ответственность не противоречат друг другу, а являются «двумя сторонами одной медали».

Таким образом, *возвращаясь к проблеме ответственности*, приходим к выводу, что *нарушение общего запрета* (формирующего первичный институт) предполагает воздействие *компенсационно-дисциплинирующих норм права*, направленных, прежде всего на восстановление экономических прав кредитора и компенсацию его потерь, что указывает на возникновение безосновательной или «безвиновной ответственности» [14, с.29], которая наступает только за сам факт неисполнения обязательств. Иными словами, общий запрет делает виновным должника автоматически за нарушение этого запрета, что *фактически означает ответственность без вины*. В этом смысле абсолютно справедливы замечания Б.И. Пугинского: «До психического отношения должника (а именно оно определяет вину. – авт.) к своим поступкам нет дела ни лицу, права и интересы которого нарушены, ни юрисдикционному органу, которому придется рассматривать иск» [15, с.150–151]. Соответственно, «всякое неисполнение договора, опосредующего обязательства, всегда недопустимо... И потому право требовать возмещение не связано ни с доказыванием вины в положительном и отрицательном смысле» [16, с.105].

И здесь возникает вторая проблема – все отечественное *законодательство настроено на*

виновную ответственность, соответственно, акцент проблемы переносится не на отрицание вины, а на ее особое понимание (что принципиально одно и то же), поскольку, в частности, для гражданско-правовых обязательств «вина переводится из области конкретного человека в область объективно возможного поведения участников имущественных отношений» [17, с.499]. Соответственно, решение проблемы учеными видится в *отрицании психологической концепции гражданско-правовой вины*, среди причин появления которой они видят прямое заимствование категории из уголовно-правовой доктрины [6, с.749–750]. Такая позиция в настоящее время нашла закрепление в ведущих российских учебниках по гражданскому праву [17, с.447–450], в отличие от подобных белорусских учебников, где вина рассматривается как психическая категория [1, с.937–938].

По нашему мнению, подход, отрицающий психологическую концепцию, *нарушает принцип единства понимания правовой терминологии* в целом. Нельзя одну и ту же категорию в различных отраслях права рассматривать по-разному, что особенно актуально для межотраслевых подходов, основной задачей которых является гармонизация (согласование) законодательства, регулирующего экономические отношения. Указанный подход отрицается и с позиций структурного построения институтов обязательств, поскольку охранительные нормы являются дополнением общего запрета, формирующего первичный институт обязательств, усиливая ответственность для наиболее вредных моделей экономического поведения, – поэтому пусть *вина остается психическим отношением к содеянному* и не стоит ей придавать иное понимание.

Решение проблемы нами видится в *введении искусственной категории «юридическая вина»*, под которой следует понимать *вину, основанную на общем запрете*, включая *вину, основанную на презумпции*, поскольку здесь лицо признается виновным изначально и возможна ситуация, когда должник стал виновным в силу того, что не смог доказать свою невиновность, хотя на самом деле таковой не является.

Тогда возникает очередной вопрос *о соотношении юридической и фактической вины*. Очевидно, что *юридическая вина*, предполагаемая по факту неисполнения обязательств, *является более широкой по содержанию чем фактическая вина*. Соответственно, доказательство или *установление факта фактической невиновности* не является *основанием исключения юридической вины*. Юридическая вина не может иметь место только для обстоятельств ее исключающих, т.е. для позитивных отклонений от главной модели обязательств, в т.ч. для специальных оснований прекращения обязательств, связанных с волей кредитора;

объективных обстоятельств, препятствующих исполнению обязательств, не зависящих от воли сторон (форс-мажор); случаев предпринимательского риска.

Кроме того, *юридическая вина, являясь категорией регулятивного права* (основан на общей норме), *не может подменять фактическую вину охранительного права*, поскольку в последнем случае речь идет о линейном (а не общем) запрете, когда необходимо учитывать «психическое отношение лица к совершаемому им противоправному действию или бездействию, а также к наступающим в связи с этим противоправными последствиями» [2, с.128]. Иными словами, *для охранительного законодательства юридическая вина является категорией неприемлемой*.

С другой стороны, фактическая вина является частью юридической вины, а *доказательство фактической вины является доказательством юридической вины*.

Отдельно остановимся на *фактической (охранительной) вине*, которая является виной в классическом понимании, отражающей психическое отношение физического лица к совершаемому деянию, выраженной в форме умысла или неосторожности (п. 1 ст. 21 УК Республики Беларусь).

Основное предназначение фактической вины – охранительное воздействие, устанавливаемое, прежде всего, УК, КоАП и специальным законодательством. Соответственно, возникает справедливый вопрос: *Какое отношение охранительные нормы имеют к институтам обязательств?*

Как уже отмечалось, структурно *первичный институт обязательств* включает в себя основное обязательство, формирующее институт, и различные позитивные и негативные отклонения от него (дополнительные модели обязательств), которые в своей основе всегда одни и те же, и в самом широком смысле предполагают *либо неисполнение главной модели обязательств, либо ненадлежащее ее исполнение*. Другое дело обстоятельства, с которыми связываются подобные отклонения (основания неисполнения обязательств). Речь, прежде всего, идет об отклонении от исполнения основных прав и обязанностей *по вине* должника, поскольку вина является той границей, которая отличает позитивное неисполнение обязательств от негативного, включая общественно вредные способы извлечения экономической выгоды.

Выстраивая механизм правового регулирования отношений обязательств, необходимо *принимать во внимание гражданские, административные, а также уголовные нормы права*, где задача сдерживания и подавления негативного поведения является межотраслевой проблемой, которая не может быть решена

должным образом на уровне только гражданского либо административного права в отдельности, – это задача комплексного хозяйственно-правового регулирования.

На уровне *первичного института обязательств механизм формирования норм*, регламентирующий данные отношения, следующий: 1) формируется общий запрет; 2) в который помещается главная модель обязательств в форме линейного предписания, отклонения от которого общей нормой не допускается (реализуется принцип: «запрещено все, кроме главного обязательства»); 3) указанная конструкция дополняется линейными предписаниями, регламентирующими позитивные отклонения от главного обязательства.

Но здесь возникает *две проблемы*: во-первых, законодатель не всегда четко проводит *границу между позитивными и негативными отклонениями*, что особенно актуально для договорных обязательств, модели которых во многом участниками формируются самостоятельно; во-вторых, для правового воздействия на негативное поведение значение имеют *степень вины* и общественная вредность модели поведения, – решение указанных задач требует конкретизации соответствующих отклонений от главной модели обязательств на уровне охранительного законодательства. Соответственно, формирование полноценного института обязательств предполагает межотраслевую основу, когда регулятивный институт обязательств дополняется охранительными нормами административного и уголовного права. В этом смысле, воспользовавшись аналогией идеального и реального права собственности, предложенного И.И. Веленто [18, с.35–37], первичный институт обязательств следует обозначить *идеальным первичным институтом обязательств* (например, модель обязательств договора поставки, регламентированная §3 гл. 30 ГК Республики Беларусь или модель обязательств налога на доходы и прибыль, регламентированная Законом Республики Беларусь «О налогах на доходы и прибыль и т.п.), который вместе с охранительными дополнениями образует *реальный институт обязательств*.

В порядке усиления *вины должника* в самом общем виде негативное поведение *для физического лица* следует классифицировать следующим образом: 1) *непрофессионализм*, когда должник не повышает свои профессиональные качества до необходимого минимального уровня, вследствие чего допускает ошибки, влекущие неисполнение обязательств; 2) неисполнение обязательств вследствие невнимательности, которая по мере своего возрастания трансформируется в 3) *халатность*; наконец, 4) *умысел* должника *на уклонение* от выполнения своих обязательств, переходящий в 5) *обман* и *хищения*, когда должник пытается обогатиться

за счет второго лица, при этом, умышленно уклоняясь от исполнения основных обязанностей [13, с.269–278].

Как видно в предложенной классификации моделей негативного поведения физического лица применим общий принцип разделения виновного поведения [19, с.519], согласно которому п. (1), (2) и (3) приведенной классификации предполагают *неосторожную форму вины*, а п. (4) и (5) – *умысел*.

Что касается *вины юридического лица*, то поскольку рассматривается не вся виновная деятельность его фигурантов (участников, руководителя и работников), а только в рамках их функциональных полномочий, деятельности, связанной с интересами юридического лица и в пределах их функциональных возможностей, то все *виновное (негативное) поведение предполагает объединение в одну группу*, поскольку степень вины юридического лица не имеет значения. Более того, *вина юридического лица* также *включает в себя риски* отсутствия у фигурантов требуемого профессионализма, необходимых знаний и квалификации, а также отсутствие самого должностного лица или работника, а также риск умышленного действия указанных лиц, направленный против интересов юридического лица.

Указанные модели негативного поведения с определенным уровнем общественной вредности могут предполагать *для физического лица административную и уголовную ответственность*, а *для юридического лица – только административную ответственность*. Что же касается предложений о привлечении юридического лица за неисполнение обязательств к уголовной ответственности [20] – это вопрос формы, а не существа явления.

По нашему мнению, ставить вопрос об использовании охранительных норм в отношении обязательств на уровне УК и КоАП можно *только при виновном поведении должника*. Соответственно негативное поведение само по себе с определенного момента предполагает не только воздействие регулятивного общего запрета, но и охранительных норм права. При этом следует полагать, что вторым условием применения охранительных норм является *размер ущерба, который для кредитора должен иметь существенный характер*. В том же случае, когда речь идет о государстве-кредиторе, то необходимы твердые ставки размеров причиненного ущерба, поскольку здесь понятие «существенно-го ущерба» теряет свой смысл.

По нашему мнению, *закрепление общего запрета в качестве охранительной нормы административного (уголовного) права недопустимо*, поскольку в противном случае речь идет о безвиновной административной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданское право: Учеб. В 2 ч. Ч. 1 / В.Н. Годунов [и др.]; под общ. ред. В.Ф. Чигира. Минск: Амалфея, 2002. 976 с.
2. Иоффе, О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. М.: Юрид. лит., 1975. 880 с.
3. Елисеев, В.С. Проблемы совершенствования механизма государственно-правового регулирования аграрных отношений в государственном секторе экономики (на примере законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации) / В.С. Елисеев. Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2001. 112 с.
4. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. Харьков: БЕК, 1994. 224 с.
5. Иванов, Л. Административная ответственность юридических лиц / Л. Иванов // Российская юстиция. 2001. №3. С. 21.
6. Брагинский, М.И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М.: Статут, 2002. 848 с.
7. Мозолин, В.П. Договорное право в США и СССР. История и общие концепции / В.П. Мозолин, Е.А. Фарнсворд. М.: Наука, 1988. 312 с.
8. Саватье, Р. Теория обязательств: Юридический и экономический очерк / Р. Саватье; пер. с фр. Р.О. Халфиной. М.: Прогресс, 1972. 440 с.
9. Райхер, В.К. Вопросы ответственности за причинение вреда / В.К. Райхер // Правоведение. 1971. №5. С. 57-58.
10. Канторович, Я.А. Основные идеи гражданского права / Я.А. Канторович. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1927. 309 с.
11. Яковлев, В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев. Свердловск: СЮИ, 1972. 212 с.
12. Ведерников, О.О. Ответственность налогоплательщика / О.О. Ведерников // Гражданин и право. 2002. №3.
13. Веленто, И.И. Теория экономического права: курс лекций / И.И. Веленто, В.С. Елисеев. Гродно: ГрГУ, 2004. 417 с.
14. Богданова, Е.Е. Способы защиты субъективных прав и интересов в договорных отношениях в случае их нарушения (общая характеристика) / Е.Е. Богданова // Новая правовая мысль. 2005. №4 (11). С. 29-32.
15. Пугинский, Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б.И. Пугинский. М.: Юрид. лит., 1984. С. 150-151.
16. Картужанский, Л.И. Ответственность за неисполнение договора в социалистическом хозяйстве / Л.И. Картужанский // Вестник Ленинградского университета. 1950. №4. С. 94-105.
17. Гражданское право: Учеб. В 2 т. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.И. Коваленко и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2000. С. 449.
18. Веленто, И.И. Проблемы макроправового регулирования отношений собственности в Республике Беларусь и Российской Федерации / И.И. Веленто. Гродно: ГрГУ, 2003. 295 с.
19. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства: Учеб. для юрид. вузов и фак. / В.С. Нерсесянц. М.: НОРМА, 2000. 552 с.
20. Волженкин, Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц / Б.В. Волженкин // Серия: Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе. СПб., 1998.

SUMMARY

The harmonization of the obligations of the various branches of the economic right brings attention to the question on the coordination of the legal categories of «wine» and «responsibility» which are understood by various image in the administrative (criminal) right where the psychological understanding of wine is used, and in civil law where actually it is a the question of the wine on the fact of the default of the obligation. The specified position breaks a principle of the unity of the legal terminology, that, in opinion of the author of clause, is inadmissible. Offers of as agreed specified categories prove in clause and it is offered to enter the additional term «legal wine», as wines on the fact of default of the obligation. The categories of «wine» and «legal wine» are compared. The conclusion about inadmissibility of use of «legal wine» in guarding the branches of the administrative (criminal) right is done.